

научная статья / research article

УДК: 93/94

EDN: [EVXCYG](#)

DOI: [10.48612/rg/RGW.29.2.6](#)

Научная специальность ВАК:
5.6.1. Отечественная история

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)

Профессионализация женщин-судебных медиков в Российской империи: опыт Женского медицинского института (1901–1917 гг.)

Корнева Валерия Андреевна

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
 museum_pspbgnu@mail.ru

Аннотация

Введение. В связи с нехваткой квалифицированных медицинских кадров в конце XIX в. в Российской империи остро встал вопрос о создании высшей школы для подготовки женщин-врачей. С открытием Петербургского Женского медицинского института в 1897 г. и предоставлением женщинам доступа к высшему медицинскому образованию, они активно включились в процессы профессионализации и специализации медицинской науки в Российской империи. Исследование посвящено проблеме участия женщин-врачей в сфере судебной медицины в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. Особое внимание уделено Женскому медицинскому институту – крупнейшему высшему учебному заведению по подготовке женщин-врачей, и его выпускницам.

Методы и материалы. Применяются общенаучные методы анализа, синтеза и логического обобщения, принципы историзма и объективности, историко-генетический метод. Методологическую основу дополняют подходы гендерных исследований и просопографический метод. Источниковую базу составляют материалы медицинского и судебного законодательства Российской империи, специализированная медицинская периодика, диссертационные работы первых женщин-врачей, а также неопубликованные архивные документы из фондов Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга и Российского государственного исторического архива.

Результаты. Проанализированы нормативно-правовые акты, регламентировавшие профессиональные права женщин-врачей, а также особенности преподавания судебной медицины в ЖМИ. На примере биографий первых женщин-судебных медиков: А.М. Смысловой и М.М. Солунсковой, реконструируются траектории научной и профессиональной карьеры женщин-врачей в одной из наиболее «мужских» областей медицины.

Заключение. Предлагается вывод о том, что подготовка женщин-врачей на кафедре судебной медицины ЖМИ и относительная гибкости медицинского законодательства создало в Российской империи уникальные условия для включения женщин в судебно-медицинскую профессию, несмотря на сохранявшиеся гендерные и правовые ограничения. Результаты исследования могут быть полезны историкам медицины, высшей школы и права, а также специалистам в области гендерной истории.

Ключевые слова: женщины-врачи; женщины-судебные медики; судебная медицина; Женский медицинский институт; история медицины; медицинское образование

Финансирование: Работа подготовлена при поддержке НИР СПбГУ «Корпоративная память универсантов: источники и механизм формирования» (Pure ID: 142028043).

Для цитирования: Корнева В.А. Профессионализация женщин-судебных медиков в Российской империи: опыт Женского медицинского института (1901–1917 гг.) // Россия в глобальном мире. 2026. Т. 29. Вып. 2. С. 89–105. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.3.6>. EDN: [EVXCYG](#).

© Корнева В.А., 2026. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

The Professionalization of Women Forensic Physicians in the Russian Empire: The Experience of the Women’s Medical Institute (1901–1917)

Valeriia A. Korneva

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
 museum_pspbgmu@mail.ru

Abstract

Introduction. In the late nineteenth century, the Russian Empire faced an acute shortage of qualified medical personnel, which brought to the forefront the issue of establishing higher educational institutions for the training of women physicians. With the opening of the St. Petersburg Women’s Medical Institute in 1897 and the granting of women access to higher medical education, women became actively involved in the processes of professionalization and specialization within medical science in the Russian Empire. The study examines the participation of women physicians in the field of forensic medicine in the Russian Empire in the late nineteenth and early twentieth centuries. Particular attention is paid to the Women’s Medical Institute – the largest institution for the training of women physicians – and to the careers of its graduates.

Methods and Materials. The study applied the general scientific methods of analysis, synthesis, and logical generalization, as well as the principles of historicism and objectivity and the historical-genetic method. The methodological framework is further informed by approaches from gender studies and the prosopographical method. The source base includes medical and forensic legislation of the Russian Empire, specialized medical periodicals, dissertation works by the first women physicians, and unpublished archival materials from the Central State Historical Archive of St. Petersburg and the Russian State Historical Archive.

Results. Legal and regulatory acts governing the professional rights of women physicians are analyzed, together with the specific features of the teaching of forensic medicine at the Women’s Medical Institute. Drawing on the biographies of the first female forensic medical experts, A. M. Smyslova and M. M. Solunskova, the paper presents the results of research reconstructing the trajectories of the scientific and professional careers of women physicians in one of the most traditionally male-dominated fields of medicine.

Conclusion. The study concludes that the combination of the institutionalization of forensic medicine within the Women’s Medical Institute and the relative flexibility of medical legislation created unique conditions in the Russian Empire for women’s entry into the forensic medical profession, despite the persistence of gender-based and legal restrictions. The results of this study may be of interest to scholars in the fields of the history of medicine, higher education, and law, as well as to specialists in gender history.

Keywords: women physicians; women forensic physicians; forensic medicine; Women’s Medical Institute; history of medicine; medical education

Funding: This article was funded by the Saint Petersburg State University research project “Corporate Memory of University Members: Sources and Mechanisms of Formation.” (Pure ID: 142028043).

For citation: Korneva, V.A. The Professionalization of Women Forensic Physicians in the Russian Empire: The Experience of the Women's Medical Institute (1901–1917). *Russia in the Global World*. 2026. Vol. 29. Iss. 2. P. 89–105. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.3.6>. EDN: EVXCYG.

© Korneva, V.A., 2026. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Конец XIX – начало XX в. стали периодом интенсивного разделения медицины на самостоятельные дисциплины и формирования новых специальностей. С открытием Женского медицинского института (далее – ЖМИ) в 1897 г. и предоставлением женщинам доступа к высшему медицинскому образованию, они активно включились в процессы профессионализации и специализации медицинской науки в Российской империи.

Для одних женщин медицина становилась основой для построения профессиональной карьеры, тогда как для других она служила отправной точкой для дальнейшего образования, работы «с народом» или личной самореализации. На рубеже веков профессия врача открывала женщинам доступ к самому широкому кругу социальных проблем [1, p.179.].

Вопрос участия женщин в судебно-медицинской практике Российской империи, а также факторов, обусловивших их появление в данной специальности, в историографии остается практически не изученным.

В отечественной историографии интерес к судьбам женщин-судебных медиков первоначально проявили практикующие врачи. Особое значение имеют работы В.Ю. Назарова, сотрудника Санкт-Петербургского бюро судебно-медицинской экспертизы. В двух статьях, посвящённых женщинам-судебным медикам Петербурга, автор ввёл в научный оборот ранее не публиковавшиеся архивные материалы и актуализировал имена представительниц этой области медицины: А.М. Смысловой, М.М. Солунской, В.А. Бонч-Бруевич, Е.А. Пречистенской [2; 3]. В.Ю. Назаровым была предпринята попытка реконструкции их биографий, что позволяет считать его одним из основоположников изучения данной проблематики.

Следующее направление историографии представлено коммеморативными публикациями, подготовленными к памятным датам Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. акад. И.П. Павлова¹ и кафедры судебной медицины [4; 5; 6]. Группу историографических материалов по данной теме можно условно назвать «юбилейными» публикациями. Первую серьёзную попытку написать историю 1-й ЛМИ² предпринимает директор института И.Д. Страшун. Две работы под его редакцией, написанные к полувековому юбилею 1 ЛМИ, определили направление дальнейших исследований по данной теме, не теряя актуальности и по сей день [4; 5].

С 2000-х гг. история Женского медицинского института (далее – ЖМИ) становится объектом внимания профессиональных историков. Существенный вклад в разработку историографии сделан И. В. Зиминим и А. А. Журавлёвым, благодаря их

¹ ПСПбГМУ им. И. П. Павлова – Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. И.П. Павлова.

² 1 ЛМИ – 1-й Ленинградский медицинский институт.

работам история ЖМИ была включена в более широкий контекст исследований по истории высшего медицинского образования в России [7; 8].

Таким образом, формирование нарратива о первых женщинах-судебных медиках изначально происходило преимущественно в среде представителей медицинской профессии. Вследствие этого историография носит характер профессионального историописания и сосредоточена главным образом на персоналиях и корпоративной памяти. Вместе с тем необходимо отметить, что в указанных работах женщины-судебные медики не выступали объектом специального анализа. Как правило, исследователи ограничивались лишь упоминанием того, что А.М. Смылова состояла на кафедре судебной медицины ЖМИ.

В фокусе нашего внимания были поставлены следующие исследовательские вопросы. Что двигало интеллигентными женщинами рубежа веков, избравшими профессию судебных медиков? Какое место в процессе профессиональной эмансипации женщин-медиков занимала судебная медицина? Какие препятствия юридического, культурного и психологического толка им приходилось преодолевать? В чем были аргументы (этические и правовые) противников и сторонников приобщения женщин-медиков к этой профессии? Наконец, как фактически строилось обучение и проходила начальная профессионализация первых женщин судебных медиков?

Методы и материалы

В исследовании используется метод историзма и объективности. Кроме того, применяется просопографический метод, основанный на анализе биографий первых женщин-врачей, с целью выявления общих образовательных стратегий и карьерных траекторий, присущих женщинам-судебным медикам. Используется также сравнительно-исторический метод, позволяющий соотнести процессы включения женщин в судебно-медицинскую профессию с общими тенденциями развития медицинской науки и врачебной корпорации Российской империи. Гендерный подход позволяет нам выявить специфику процесса конструирования их профессиональной идентичности.

В исследовании активно используются ранее неопубликованные материалы, многие из которых вводятся в научный оборот впервые. Задействованы нормативные документы Министерства внутренних дел из фондов Российского государственного исторического архива. Привлекаются личные дела слушательниц ЖМИ, хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга. Особый интерес представляют *curriculum vitae*, в которых абитуриентки подробно описывали свой жизненный путь, образование и мотивы выбора профессии врача.

К опубликованным источникам относятся законодательные акты Российской империи, регламентирующие медицинское право. Рассматриваются материалы медицинской периодики начала XX века, отражающие общественные представления о женщинах-врачах в России. К специфическим источникам относятся докторские диссертации женщин-врачей, которые позволяют проследить особенности их научной работы, реконструировать профессиональные связи, а также выявить этические представления о медицинской практике и границы участия женщин в судебно-медицинских исследованиях. Типовые годовые отчёты института дают возможность

реконструировать повседневные учебные практики и особенности преподавания судебной медицины в ЖМИ.

В Европе (прежде всего в Германии, Франции, Италии и России) XIX век стал периодом подъема как научной, так и практической судебной медицины. К этому времени в большинстве европейских государств преподавание судебной медицины становится обязательным как на медицинских, так и на юридических факультетах. Медицинские факультеты активно привлекались к решению практических задач судебно-медицинской экспертизы, выполняя функции высшей экспертной инстанции. В этот период оформляется институт судебных врачей и создаются судебно-химические лаборатории, что стало важнейшим этапом в развитии дисциплины [9, с. 6].

Впервые доступ к высшему медицинскому образованию женщины получили с открытием Курсов ученых акушерок при Медико-хирургической академии в 1872 г. в Санкт-Петербурге. Уже в 1876 г. успешность «эксперимента» была признана, срок обучения продлили с четырех до пяти лет, а программа приравнялась к университетской, за исключением курсов судебной медицины и медицинской полиции. Курсы были переименованы из Акушерских в Женские врачебные, перенесены на базу Николаевского военного госпиталя и находились там вплоть до своего закрытия в 1887 г. [7, с. 61–65].

Несмотря на общественные предубеждения, на Женских медицинских курсах всё же имелось практическое знакомство с трупами в анатомичке, а частично – и с элементами судебно-медицинской экспертизы [8, 153 с.]. Однако изучались только те разделы судебной медицины, которые относились к акушерству и заболеваниям женщин и детей.³

В качестве «сведущих лиц» для осмотра и освидетельствования мест и жертв преступлений мог приглашаться самый широкий круг мужчин (врачи, фармацевты, профессора, учителя, техники, художники, ремесленники, казначеи и другие эксперты⁴), однако выпускницы женских врачебных курсов не допускались к судебно-медицинской практике, они были лишены даже такой привилегии как диплом об окончании курсов. Женщины-врачи освобождались от ответственности по ст.114 п. XIII Врачебного устава и ст. 325 и ст. 326 главы IV Устава уголовного судопроизводства, что подразумевало под собой освобождение от присутствия по запросу судебных учреждений для медицинской экспертизы.⁵

Когда в высших кругах была поднята тема воссоздания учебного заведения для женщин-врачей вместо закрытых курсов, эти острые вопросы вновь начали звучать.⁶ При разработке «Положения» для нового учебного заведения, комиссия экспертов

³ Женские врачебные курсы (Петербург). Материалы по Женским врачебным курсам. СПб., 1879. С. 18.

⁴ Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны: Ч. 2 / изданные Государственной канцелярией. 2-е издание, дополненное. СПб.: Типография 2 отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. С. 139.

⁵ Дело высочайше учрежденного Комитета для составления проекта положения об институте ученых акушерок, а также учебных планов и программ для этого заведения. Часть 1 // РГИА. Ф.733. Оп.191. Д.616. Л.12.

⁶ Дембо Г.И. История женского медицинского образования в России до ЖМИ. [Машинопись]. 1930-е гг. // Музей ПСПбГМУ им. ак. И.П. Павлова. КП №1245. Ф.Д. Инв. № 668. С. 40.

предлагала не включать в программу преподавание судебной медицины.⁷ Однако в итоге обсуждения все же было принято иное решение, согласно «Положению» ЖМИ от 1895 г., кафедра учреждалась, но не сразу, а по достижению слушательницами института пятого года обучения. «Положение» устанавливало право выпускниц ЖМИ быть приглашенными в качестве помощниц судебного врача при проведении судебно-медицинских освидетельствований женщин и детей.⁸ Таким образом, хотя компетенциями в области судебной медицины владели уже выпускницы курсов, первыми право на практическую работу в этой сфере смогли получить лишь выпускницы ЖМИ.

Важным шагом стало Высочайшее повеление 1898 г., по которому женщины-врачи, наконец, были юридически приравнены к мужчинам-врачам за исключением права производства в чины, ношения мундира и орденов.⁹ Принятие нового «Положения» ЖМИ в 1904 г. существенно расширило профессиональные права женщин-врачей. Выпускницы получили возможность защищать диссертации и получать докторские степени. Это создало условия как для включения слушательниц в научные исследования в области судебной медицины, так и для их практической деятельности в качестве полноправных экспертов в судебно-медицинских экспертизах. В 1905 г. в ст. 44 Врачебного устава были внесены правки, подтверждающие эти права женщин-врачей.

В 1897 г. состоялся первый набор слушательниц, а в 1901 г., на пятом году существования института, в ЖМИ была учреждена кафедра судебной медицины. Ее первым профессором стал Николай Петрович Ивановский (1843–1912) [4, с. 48], а первыми младшими преподавателями кафедры – Василий Андреевич Таранухин (прозектор, с 1906 г. приват-доцент) и Анна Михайловна Смыслова (помощник прозектора, с 1912 г. прозектор).¹⁰ Следует отметить, что должность прозектора, предполагавшая наличие степени доктора медицины, занимала во врачебно-служебной иерархии второе место после профессорской и стояла выше ассистентской позиции [3, с. 60].

Преподавание на кафедре с момента основания ее слагалось из чтения профессором систематического курса судебной медицины, лабораторных занятий и судебно-медицинских вскрытий под руководством профессора и ассистентов [5, с. 186]. После ухода на пенсию Н.П. Ивановского Совет пригласил на его место Сергея Петровича Шуенинова.¹¹ С.П. Шуенинов (1861–1921) сын купца из Саратова, окончил естественное отделение Петербургского университета в 1886 г. со степенью

⁷ Дело об учреждении в Санкт-Петербурге высшего учебного заведения для медицинского образования женщин. Часть 1// РГИА. Ф. 733 Оп. 191 Д. 510. Л.87.

⁸ Сравнительное изложение проекта положения о С.-Петербургском женском медицинском институте и Высочайше утвержденного, 1 июня 1895 г., положения о сем институте, с позднейшими изменениями и дополнениями [прил. к ст. 2679 (прим. 4) уст. уч. зав., по прод. 1902 г.] / (составлено Государственной Канцелярией). [Санкт-Петербург: б. и., 1903]. С. 12

⁹ Высочайшее утвержденное 9 марта 1898 г. мнение Государственного Совета. О даровании прав государственной службы женщинам-врачам // Архив судебной медицины и общественной гигиены. Июнь. 1898 г. С. 1.

¹⁰ Отчет о состоянии и деятельности С.-Петербургского женского медицинского института за 1907–1908 уч. год. СПб., 1910. С. 24.

¹¹ Дело о профессорах, приват-доцентах и преподавателях Санкт-Петербургского женского медицинского института и о замещении вакантных кафедр//РГИА. Ф.733. Оп. 154. Д. 680. Л.7.

кандидата естественных наук [10, с. 2] и Медико-хирургическую академию в 1890 г. [11, с. 2]

После вступления С.П. Шуенинова в должность экстраординарного профессора, учебная деятельность Кабинета судебной медицины приобрела системный характер и включала несколько направлений. Теоретический курс лекций по судебной медицине (2 часа в неделю) читался профессором для слушательниц 7-го и 8-го семестров. Демонстративный курс техники судебно-медицинских вскрытий трупов (2 часа в неделю) также вёл профессор С.П. Шуенинов. На лекциях была введена демонстрация анатомических препаратов как из музея кафедры, так и свежих, со вскрытий. Лекции иллюстрировались демонстрацией соответствующих микроскопических препаратов. Лекции по отделу детоубийства сопровождалась демонстрацией вскрытия трупа новорожденного перед всем курсом в аудитории с производством легочной и желудочно-кишечной проб.¹²

Практические занятия по судебно-медицинским исследованиям кровяных и семенных пятен, волос и тканей проводились два раза в неделю по 3 часа и осуществлялись ассистентами. Кроме того, ассистенты вели практические занятия по судебной химии, включавшие самостоятельное выполнение качественных реакций на органические и неорганические яды, решение простых судебно-химических задач и демонстрацию основных приборов, применяемых в судебно-химических исследованиях; группа слушательниц из 30 человек работала ежедневно в течение недели.¹³

Важной частью учебного процесса являлись судебно-медицинские вскрытия трупов, доставляемых кафедре по распоряжению градоначальника через полицейских врачей. В каждом вскрытии участвовали около десяти слушательниц: двое выполняли наружный осмотр, двое вскрывали грудную полость, двое – брюшную, двое – черепную, а двое составляли протокол вскрытия в двух экземплярах (для полиции и для кабинета). Все вскрытия проводились под руководством прозектора и его помощника. После вскрытия составлялся судебно-медицинский акт, который представлялся каждой слушательницей ассистенту с самостоятельным изложением мнения о причине смерти для совместного обсуждения. По существовавшим планам преподавания судебной медицины главная задача практических занятий сводилась к тому, чтобы научить слушательниц судебной экспертизе по исследованию трупов. Экспертиза живых лиц не проводилась. Только в 1925 г. студентам была предоставлена возможность группами в 10 человек посещать отделение судебно-медицинской экспертизы при Облздравотделе, где они знакомились с приемами освидетельствования различных повреждений у живых лиц и участвовали в составлении актов освидетельствования [5, с. 186].

Вскоре был пересмотрен весь порядок практических занятий: ежедневные занятия по токсикологии отменили, а практику сократили до двух трёхчасовых занятий в неделю для слушательниц 4-го курса. Судебно-медицинские вскрытия проводились на 4–5 курсах: на 4-м – в форме технических вскрытий под руководством

¹² Ленинградский медицинский институт к XXX – летию деятельности. (1897–1927): [Доклады-речи на юбилейном заседании и обзор учебной деятельности института]. Л., 1928. С. 61.

¹³ Отчет о состоянии и деятельности С.-Петербургского женского медицинского института за 1908/09, 1909/10, 1910/11 и 1911/12 уч. годы. СПб., 1913 [обл. 1914]. С. 173–175.

ассистентов, на 5-м – как зачётные, под руководством профессора. К зачётному вскрытию слушательницы допускались лишь после специальной подготовки и проверки у секционного стола, в результате каждая слушательница выполняла два вскрытия. Этот порядок сохранялся до 1925 г.¹⁴

Особой гордостью кафедры была ее химическая лаборатория. В Кабинете судебной медицины изготавливалась реактивная судебно-медицинская сыворотка (по Уленгуту), рассылавшаяся по запросам врачебных отделений, фармацевтов и аптек по всей стране.¹⁵

Вопреки всем трудностям ЖМИ удалось готовить высокопрофессиональных врачей, в том числе в области судебной медицины. Упомянутая выше А.М. Смылова вполне обосновано считается первой женщиной-судебным медиком Российской империи. Она стала первой выпускницей ЖМИ, начавшей работать на кафедре судебной медицины. Анна Михайловна Смылова, урожденная Номикос, мещанка, дочь греческого подданного, родилась в г. Таганроге в 1876 г. Среднее образование получила в Ростове в Екатеринославской женской гимназии, которую окончила в 1893 г. с золотой медалью.

В своём жизнеописании Анна Михайловна подробно рассказывает о собственном пути к медицине. В детстве она была мечтательным и романтичным ребёнком, увлечённым литературой и сказками Ханса Кристиана Андерсена. В гимназические годы А.М. Смылова впервые сталкивается с личной трагедией: умирает её мать, а вскоре заболевает и сама Анна Михайловна. Для восстановления здоровья она на некоторое время переезжает к греческим родственникам в Ялту, где окончательно утверждается в решении во что бы то ни стало получить высшее образование. Примечательно, что в юности Анна Михайловна вовсе не задумывалась ни о выборе судебной медицины, ни даже о медицинской профессии в целом, ее стремление было связано, прежде всего, с получением высшего образования. Гораздо больший интерес у девушки вызывали литература и филология. Будучи рожденной в патриархальной греческой семье, она столкнулась с сопротивлением со стороны прагматичного отца-торговца, который видел в ней будущую домохозяйку, а не женщину-врача. Лишь с большим трудом ей удалось добиться его согласия на продолжение образования.¹⁶

В 1895 г. она уезжает в Москву и поступает на Московские Педагогические курсы, которые окончила в 1896 г. В 1897 г. поступила на Историко-филологическое отделение Петербургских Высших женских курсов. В марте 1898 г. сдала экзамен на аттестат зрелости по латинскому языку при VI Петербургской мужской классической гимназии. В 1898 г. А.М. Смылова поступила в ЖМИ, который окончила в 1903 г. со степенью врача с отличием. В период обучения, по-видимому, стремясь освободиться от отцовского контроля, Анна Михайловна вступает в брак с инженером-технологом Вениамином Александровичем Смыловым. Супруги поселились неподалёку от института, на Большой Монетной улице.

¹⁴ Ленинградский медицинский институт к XXX-летию деятельности. (1897–1927): [Доклады-речи на юбилейном заседании и обзор учебной деятельности института]. Л., 1928. С. 61.

¹⁵ Отчет о состоянии и деятельности С.-Петербургского женского медицинского института за 1908/09, 1909/10, 1910/11 и 1911/12 уч. годы. СПб., 1913 [обл. 1914]. С. 175.

¹⁶ Номикос-Смылова Анна Михайловна // ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп. 1. Д. 8786. Л.6–7.

С 1903 по 1907 гг. она работала в качестве ординатора в факультетской терапевтической клинике профессора М.М. Волкова при ЖМИ. С 1904 г. начала свою карьеру на кафедре судебной медицины ЖМИ. С 1907 г. А.М. Смыслова также работала преподавательницей гигиены и естествоведения в Патриотическом и Елизаветинском женских институтах. В течение 1905–1907 гг. сдала при ЖМИ докторские экзамены и в 1909 г. защитила докторскую диссертацию. В 1912 г. Анна Михайловна все-таки окончила Историко-филологическое отделение Бестужевских курсов по группе русской филологии (подгруппа литературы).¹⁷

В своей диссертации Анна Михайловна на обширном трупном материале подробно анализировала различные случаи смерти, наступившей в результате переохлаждения. Работа была выполнена под руководством профессора И.П. Ивановского (судебная медицина), а рецензентами выступили Н.Ф. Виноградов (патологическая анатомия) и П.М. Альбицкий (патофизиология) [12, с. 1].

Для лиц, намеревавшихся сдавать докторские экзамены, обязательным требованием являлось составление судебно-медицинского акта. Такой акт сохранился в личном деле А.М. Смысловой. В 1905 г. акт был выполнен группой слушательниц, в которую входила и Анна Михайловна. В присутствии прозектора В.А. Таранухина и представителя полиции было произведено судебно-медицинское вскрытие тела неустановленного младенца мужского пола. Осмотр начинался с наружного исследования, включавшего фиксацию видимых повреждений, определение массы и длины тела, а также подробное описание его состояния. Затем следовал внутренний осмотр с препарированием трупа.¹⁸ Этот этап работы, несомненно, трагичный по своему содержанию, требовал от исследователей предельной точности, профессиональной выдержки и максимального дистанцирования от каких-либо излишних эмоциональных реакций.

С 1912 г. А.М. Смыслова была назначена на должность прозектора с содержанием 1500 руб. в год: 1200 руб. жалование и по 150 руб. столовых и квартирных.¹⁹ Для работающей женщины на то время – достаточно солидная сумма.

По рекомендации профессора С. П. Шуенинова А.М. Смыслова была избрана и 20 мая 1914 г. утверждена в должности сверхштатного ассистента кафедры судебной медицины Клинического института Великой княгини Елены Павловны (ныне СЗГМУ им. И.И. Мечникова²⁰) без назначения денежного содержания. С 1916 г. она также начала преподавать судебную медицину в Психоневрологическом институте (ныне СЗГМУ им. И.И. Мечникова), где данная преподавательская деятельность уже оплачивалась. Тем самым история трёх кафедр судебной медицины Санкт-Петербурга: ПСПбГМУ им. И.П. Павлова и СЗГМУ им. И.И. Мечникова оказывается непосредственно связанной с именем А. М. Смысловой [3, с. 60].

Однако слабое здоровье, сопровождавшее её с молодости, не позволило Анне Михайловне пережить тяжёлые революционные годы. В мае 1918 г. она обратилась к

¹⁷ Список окончивших курс на С.-Петербургских высших женских курсах в 1910–1911 и 1911–1912 учебных годах / изд. Общества вспомоществования окончившим курс наук на С.-Петербургских высших женских курсах. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1913. С. 14.

¹⁸ Дело о службе доктора медицины А. М. Смысловой // ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп. 1. Д. 14560. Л.17.

¹⁹ Дело о службе доктора медицины А. М. Смысловой // ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп. 1. Д. 14560. Л.10.

²⁰ СПбГМА им. И.И. Мечникова – Северо-Западный государственный медицинский университет имени И. И. Мечникова.

директору ЖМИ с просьбой предоставить ей отпуск для грязелечения в Пятигорске в связи с перенесённой тяжёлой операцией по удалению аппендицита, осложнённой послеоперационным воспалением тазовой брюшины. Впоследствии профессор А.А. Лихачёв сообщил о её кончине в начале 1920-х гг.²¹

Первой женщиной-врачом Российской империи, защитившей диссертацию по судебной медицине, стала Мария Михайловна Солунскова. М.М. Солунскова, из потомственных дворян, дочь полковника, родилась в 1873 г. на хуторе под Новочеркасском.

Ещё в детстве Мария Михайловна, по ее словам, собирала лекарственные травы и «лечила» кукол вместе с матерью оказывала помощь деревенским жителям. Мать пользовалась большим доверием и любовью среди местных крестьян, которые обращались к ней за советом и помощью во время болезней. М.М. Солунская вспоминала: «И всех-то она умела успокоить и приласкать! Помогая ей, я присматривалась, и впоследствии чувство брезгливости и страха совершенно исчезли во мне; напротив того, я чувствовала такую жалость к этим беднякам, что даже находила некоторое наслаждение обмывать раны и слышать слова благодарности».²² Этот мемуарный фрагмент особенно интересен: он наглядно показывает, что контакт с телесностью, болью и страданием не только не вызывал у девочки «естественного» отвращения, но, напротив, способствовал формированию эмпатии и интереса к врачеванию.

Таким образом, «стыдливость» и «брезгливость» оказываются не врождёнными качествами полов, а в гораздо большей степени результатом воспитания и культурных ожиданий. Сильное впечатление на девочку произвели рассказы отца, отставного военного, о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., о человеческих страданиях и раненых, после чего она приняла твердое решение посвятить себя служению людям и стать сестрой милосердия. Ранняя смерть отца резко ухудшила материальное положение семьи, с семью детьми, и стала ударом для девушки. М.М. Солунская делится впечатлениями, что после этого события она стала «серьёзнее и задумчивее». Окончив Смольный институт с золотой медалью, Мария Михайловна вернулась домой. Финансовое положение семьи к этому времени несколько улучшилось, однако светская жизнь и балы совсем не привлекали юную девушку. Следует подчеркнуть, что в этот период М.М. Солунская переживает глубокий экзистенциальный кризис, который она сама формулирует следующим образом: «Я несколько раз задавалась себе вопросом: как жить? К чему стремиться? Я снова пересмотрела и проверила все свои понятия о мире, о человеке, об обществе, о нравственности, о науке...».²³ Окончательное решение связать свою жизнь с медициной пришло после возвращения на хутор: «и тогда-то опять, после долгих размышлений и испытаний, явилось у меня желание серьёзно заняться медициной. Я поняла, что мои и мамины знания недостаточны: нужен более научный, более серьёзный фундамент и большая

²¹ Ленинградский медицинский институт к XXX-летию деятельности. (1897–1927): [Доклады-речи на юбилейном заседании и обзор учебной деятельности института]. Л., 1928. С. 25.

²² Мария Михайловна Солунскова // ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп.1. Д. 8603. Л.8.

²³ Там же.

уверенность в своих собственных силах, и я решила для исполнения своего плана поступить в Женский медицинский институт».²⁴

Таким образом, получение диплома врача и высшего образования воспринималось Марией Михайловной не только как путь к профессиональной самореализации, но и как средство обретения внутренней уверенности в себе и своих силах. В 1897 г. она поступила в ЖМИ, который окончила в 1902 г. со степенью лекаря с отличием. В течение 1904–1906 учебных гг. сдала при ЖМИ экзамены на степень доктора медицины. В продолжение 1903–1904 гг. Мария Михайловна работала в детской клинике Военно-медицинской академии. В течение 1906–1907 гг. состояла практиканткой при Императорском институте экспериментальной медицины в бактериологической лаборатории профессора Д.К. Заболотного.²⁵ С 1907 г. работала по судебной медицине в ЖМИ в лаборатории профессора Н.П. Ивановского [13, с. 34].

В 1908 г. М.М. Солунская защитила докторскую диссертацию на тему «К вопросу об отличии прижизненных повреждений от посмертных: изменения в лимфатических железах при травматических повреждениях». Работа была выполнена под руководством профессора И.П. Ивановского (судебная медицина), рецензентами выступили П.М. Альбицкий (патофизиология) и А.С. Догель (гистология). Данное исследование наглядно демонстрирует, каким образом женщина-врач могла заниматься научной работой в области судебной медицины в начале XX в. Оно позволяет проследить как механизмы получения экспериментального материала, так и разнообразие проблем и вызовов, с которыми сталкивались женщины-исследовательницы, прежде всего этического и социального характера. Речь идёт как о сложных моральных дилеммах, связанных с проведением экспериментальных исследований на животных, так и о необходимости поиска трупного материала в городских больницах, далеко не все из которых были готовы допускать женщин-врачей к работе в моргах. Следует отметить, что медицинский осмотр, вивисекция животных, хирургическое вмешательство или анатомическое препарирование трупа в начале XX в. осмыслялись как инвазивные, насильственные и, по существу, маскулинные практики [14, р. 107–108]. Петропавловская и Обуховская больницы относились к немногим учреждениям, где женщины-врачи могли вести подобную практику. Наконец, сама работа с изувеченными мужскими трупами представляла собой настоящее испытание для женщины начала XX в., особенно с учётом её социального происхождения и воспитания в традициях закрытых женских учебных заведений, таких как Смольный институт.

Свое исследование М.М. Солунскова выстроила из нескольких этапов. На первом этапе проводились экспериментальные исследования на животных. Морские свинки усыплялись с использованием хлороформа, далее наносились травматические повреждения костей, после чего животное умирало. Всего было выполнено десять подобных опытов. Затем осуществлялось микроскопическое исследование полученного материала и изготавливались гистологические препараты. Вторая часть работы основывалась на исследовании трупного материала. М.М. Солунскова изучала лимфатические железы лиц, скончавшихся в результате травматических повреждений. Забор материала осуществлялся из анатомических областей, соответствующих

²⁴ Мария Михайловна Солунскова // ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп.1. Д. 8603. Л.9.

²⁵ Солунская Мария Михайловна // ЦГИА СПб. Ф.436. Оп. 4. Д. 3956. Л.1.

локализации травмы, при судебно-медицинских вскрытиях, проводившихся в Петропавловской больнице при кафедре судебной медицины, а также в Обуховской мужской больнице. Время нанесения травмы и время смерти узнавалось из скорбных листов и протоколов вскрытия.

Примечательно, что в выводах к диссертации М.М. Солунскова затронула ряд вопросов, непосредственно не связанных с основной темой исследования. Все они касались проблем детского возраста, что позволяет предположить устойчивый интерес исследовательницы к педиатрической проблематике, проявившийся уже на этапе её судебно-медицинской научной работы. Так она пишет, что в борьбе с детской смертностью необходимы не только санитарные условия, но и заботы о правильном физическом развитии детей; также в связи с важным социальным значением правильного кормления грудных детей, необходимо устройство отделений для грудных детей при клиниках, как это существует за границей. И наконец, для того чтобы иметь возможность следить за правильным физическим развитием и здоровьем детей, желательно чтобы в женских учебных заведениях работали женщины-врачи.²⁶

С 1909 по 1912 г. М.М. Солунскова работает младшим врачом в Смольном институте.²⁷ В 1915 г. устраивается на работу в качестве преподавательницы гигиены и естествоведения в Мариинский институт Благородных девиц.²⁸ В 1920–1930-е гг. М.М. Солунскова, вернувшись на родину в Новочеркасск, работала профессором бактериологии на кафедре микробиологии Донского ветеринарно-зоотехнического института.²⁹

Мария Михайловна сочетала интерес к судебной медицине с занятиями бактериологией, однако, по-видимому, работа детского врача – опыт, полученный ею ещё в детской клинике ВМА, – и социальная среда, в которой она оказалась, работая в Институте Императрицы Марии, оказались ближе её личным и профессиональным устремлениям. Её опыт «смолянки» и сформированное чувство принадлежности к сообществу выпускниц закрытых женских учебных заведений могли сыграть значимую роль в формировании её профессиональной идентичности и выборе дальнейшего карьерного пути.

Если участие женщин-врачей в научной работе по судебной медицине оставалось прерогативой единиц, то их работа в земствах была значительно шире. Большинство женщин-врачей можно было найти именно в земствах. Земский врач должен был уметь выполнять весь спектр медицинских манипуляций, и женщины справлялись с этой ролью наравне с мужчинами.

Однако отношение к женщинам-врачам варьировалось от земства к земству. Были места, где их принимали с подозрением или даже открыто противились их

²⁶ Солунскова М.М. К вопросу об отличии прижизненных повреждений от посмертных: Изменения в лимфат. железах при травмат. повреждениях: Дис. на степ. д-ра мед. М.М. Солунсковой / Из Лаб. судеб. медицины проф. Н.П. Ивановского. Санкт-Петербург: тип. Я. Трей, 1908. С. 31.

²⁷ Личное дело Солунсковой Марии Михайловны, младшего врача//ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп.1. Д. 17325. Л.1.

²⁸ Солунскова Мария Михайловна// ЦГИА СПб. Ф.414. Оп. 2. Д.440. Л.1.

²⁹ Наука и научные работники СССР: справочник / Акад. наук СССР; сост. Комис. «Наука и науч. работники СССР» под наблюдением и непосредств. рук. С. Ф. Ольденбурга, Е. Ф. Карского. Л., 1925–1934. Ч. 6 : Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда. 1928. VIII, 810 с., [2] л. диагр., карт.:диагр. С. 719.

работе, но одновременно существовали земства, предоставлявшие женщинам стипендии для обучения в ЖМИ, рассчитывая, что после возвращения они продолжат там службу. Двойственность отражалась и на их роли в судебно-медицинской практике: возможности и полномочия женщин зависели от взглядов местной администрации и чиновников. Несмотря на формальное равенство прав с мужчинами-коллегами, женщины-врачи неизбежно сталкивались с дискриминацией.

В 1906 г. одна из крупнейших медицинских газет Российской империи «Русский врач» освещала эту проблему. Систематически исполнение судебно-медицинских обязанностей в отношении участков³⁰, заведомых женщинами-врачами, возлагалось местными чиновниками на ближайшего участкового врача-мужчину.

«Не пора ли пересмотреть и отменить в законодательном порядке узаконенное неправовое положение, исключаящее женщин-врачей из выполнения судебно-медицинских обязанностей? Ведь судебная медицина читается в Женском медицинском институте, и пенсионные права по службе предоставлены женщинам-врачам. Непонятным архаизмом и странной непоследовательностью кажется повторное запрещение женщинам-врачам выполнять судебно-медицинские обязанности»,³¹ резюмировал свою заметку анонимный автор.

В это время в Медицинский совет регулярно поступал ряд прошений с вопросом «Имеют ли право женщины-врачи проводить судебно-медицинские вскрытия?». Медицинский совет решил этот вопрос утвердительно.³²

Таким образом, складывалась парадоксальная ситуация: официально женщины-врачи имели право на эту практику, но местные власти для подтверждения этого права вынуждены были обращаться в вышестоящие инстанции, чтобы придать дополнительную легитимность деятельности женщин-врачей, работавших в земствах.

В 1914 г. был опубликован «Циркуляр Министра Внутренних дел Губернаторам от 21 января 1914 г. № 83». В циркуляре сообщалось, что некоторые губернаторы обратились в Министерство внутренних дел с ходатайствами о разъяснении права лиц женского пола, имеющих степень лекаря, производить судебно-медицинскую экспертизу. Основанием к возбуждению таких ходатайств послужило то обстоятельство, что некоторые судебные следователи отказываются, в случае отсутствия у них врача, вызывать для производства судебно-медицинской экспертизы лиц женского пола, а приглашают из участковых сельских и земских врачей лишь мужчин. Поэтому нередки случаи, что врач, по вызову судебного следователя, выезжает из своего участка за 40–50 верст в местность, где уже есть практикующая женщина-врач.

Министерство внутренних дел, принимая во внимание, что в силу ст. 44 Врачебного устава от 1905 г. лица женского пола, имеющие звание лекаря, пользуются всеми правами на медицинскую практику, предоставляемыми этим званием, а следовательно и правами на самостоятельное производство судебно-

³⁰ Врачебный участок – основная организационная единица земской медицины в Российской империи, представлявшая собой территориально выделенную часть уезда, находившуюся в ведении органов земского самоуправления. В ее основу была положена стационарная медицинская помощь с амбулаторным приемом и лечебницей обслуживаемый земским врачом, фельдшером, акушеркой.

³¹ Русский врач, 1906. Март. № 24. С.752.

³² По вопросу имеют ли право женщины-врачи проводить судебно-медицинские вскрытия по требованию подлежащих властей // РГИА. Ф. 1294. Оп.10. Внутр.оп.1. Д.323. Л. 1-2.

медицинской экспертизы, просило Министерство юстиции в целях устранения затруднений, возникающих вследствие отказа судебных следователей приглашать в качестве судебных врачей женщин, подготовить судебным следователям соответствующие разъяснения по этому вопросу. Однако Министерство юстиции в данной ситуации заняло позицию, неблагоприятную для женщин-врачей. Министр юстиции уведомил министра внутренних дел, что, разделяя соображения Министерства внутренних дел о праве женщин-врачей на самостоятельное производство судебно-медицинских экспертиз, всё же исходя из точных оснований ст. 336 и 337 Устава уголовного судопроизводства, осмотры и освидетельствования в порядке статей 336-352 и 353 того же Устава должны производиться уездными, городскими или полицейскими врачами. До тех пор, пока женщины, имеющие диплом на звание лекаря, не будут назначаться на должность уездного, городского или полицейского врача, судебные следователи не могут вызывать их для судебно-медицинских экспертиз, минуя эти категории врачей. Лишь в тех случаях, если указанные врачи по болезни или по другой уважительной причине не могут явиться, только тогда следователь может приглашать женщин-врачей, наравне с другими военными, гражданскими или вольнопрактикующими врачами.³³

Результаты

Дискуссия о правовом статусе женщин-врачей и их допуске к судебно-медицинской экспертизе так и не была окончательно разрешена вплоть до 1917 г. Женщины в сфере судебной медицины прошли сложный путь: от первых, во многом символических шагов в анатомических театрах и возможности работать лишь с телами женщин и детей до фактического участия в судебно-медицинской экспертизе наравне с мужчинами. При этом их юридическое положение на протяжении всей истории Российской империи оставалось двойственным. Формально законодательство не содержало прямого запрета на участие женщин-врачей в судебно-медицинской практике, однако на деле противники женского врачебного труда систематически находили основания для ограничения этих прав, апеллируя к пробелам и неоднозначностям правового регулирования.

Парадоксальным образом именно эта правовая неопределённость открывала женщинам возможность участия в судебно-медицинской практике. В отличие от женщин-юристов, фактически исключённых из сферы уголовного судопроизводства, женщины-врачи получили возможность войти в профессиональное пространство, непосредственно связанное с уголовным правом. Существенную роль в этом процессе сыграло совпадение сразу нескольких факторов: институциональное оформление судебной медицины в виде кафедры при ЖМИ и специфика медицинского законодательства. В отсутствие любого из этих элементов – образовательной практики или относительной правовой гибкости – включение женщин в судебно-медицинскую профессию оказалось бы невозможным.

Вместе с тем, в рассматриваемый период гендерная идентичность женщин-врачей систематически доминировала над их профессиональной ролью. Участие женщин-врачей в судебно-медицинской практике стало принципиально важным

³³ Циркуляр Министра Внутренних дел Губернаторам от 21 января 1914 г. №83 // Архив судебной медицины и общественной гигиены. Март. 1914 г. С. 55–56.

этапом в формировании их профессиональной идентичности, поскольку открывало для них доступ к одной из наиболее маскулинизированных областей медицины. Судебная медицина, связанная с работой с трупным материалом, насильственной смертью и уголовным правом, традиционно воспринималась как «неженская» сфера, и включение в нее женщин означало выход за пределы допустимых для них профессиональных ролей.

Таким образом, Российская империя стала одной из первых европейских держав, где женщины в начале XX в. получили возможность заниматься судебной медициной.

Заключение

На этапе создания Женских медицинских курсов в интеллигентной среде российского общества велись острые дискуссии, вокруг вопроса о допущении женщин к работе с трупами, а также к осмотру мужчин-пациентов. Противники курсов считали подобные занятия для дам неприличными и непозволительными. Позднее с такой же проблемой столкнется и Женский медицинский институт.

Возражения противников женского медицинского образования сводились к утверждению, что в сфере медицины женщина способна выполнять лишь ограниченный круг функций, и, следовательно, будет «неполноценным врачом». Мотивы подобных доводов были типичны для своего времени. Так, ставился вопрос: «Может ли женщина по нашим законам подлежать ответственности в той же мере, что и мужчина?». Высказывались сомнения в том, можно ли ожидать от женщины во врачебной практике, в судебно-медицинских исследованиях и при выдаче различного рода медицинских свидетельств той же осмотрительности, добросовестности и независимости от «увлечений» и «посторонних порывов», что и от мужчины.³⁴

Практические потребности государства в квалифицированных врачебных кадрах взяли верх над всеми общественными предрассудками. В ЖМИ была организована постановка преподавания ничем не уступавшая программам медицинских факультетов университетов. Сформировалась новая когорта женщин-врачей, которые, несмотря на риски, связанные с заразными болезнями и нелёгкие условия повседневной врачебной практики, активно включались в профессиональную деятельность. Данный опыт стал важным фактором трансформации представлений о допустимых границах женского труда в медицине и расширяя спектр доступных им профессиональных траекторий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. DenBeste M. Gender and Russian Health Care, 1880–1905: Professionalism and Practice // Russian and Soviet Health Care from an International Perspective / Ed. by S. Grant. Palgrave Macmillan, Cham, 2017. P. 165–190. https://doi.org/10.1007/978-3-319-44171-9_8.
2. Назаров В.Ю. Судебные медики-женщины дореволюционного Санкт-Петербурга // Медицинская экспертиза и право. 2011. № 6. С. 50–52. EDN: OKIFTX.
3. Назаров В.Ю. Анна Михайловна Смыслова – первый отечественный судебный медик-женщина // Судебно-медицинская экспертиза. 2011. Т. 54. № 5. С. 58–60. EDN: PHOLLB.
4. Биографический словарь профессоров 1-го Ленинградского, бывшего Женского, медицинского института им. акад. И. П. Павлова за 50 лет, 1897–1947 / под ред. Ю.Ю. Джанелидзе и С.Я. Фрейдлина. Л.: Медгиз, Ленинградское отделение, 1947. 155 с.

³⁴ Музей ПСПбГМУ им. ак. И.П. Павлова. КП №1245. Ф.Д. Инв. № 668. Дембо Г.И. История женского медицинского образования в России до ЖМИ. [Машинопись]. 1930-е гг. С. 40.

5. 50 лет Первого Ленинградского медицинского института им. акад. И. П. Павлова / под ред. Н.И. Озерецкого. Л.: Медгиз, 1947. 186 с.
6. Бабаханян Р.В., Круть М.И. Кафедра судебной медицины и правоведения СПбГМУ им. акад. И.П. Павлова // Судебная медицина Санкт-Петербурга (История и организация). СПб., 1999. С. 51–58.
7. Зимин И.В. Журавлёв АА. СПбГМУ имени академика И.П. Павлова: этапы большого пути. Возникновение женского медицинского образования в России и создание Женского медицинского института (XVIII – начало XX вв.). СПб.: Издательство СПбГМУ. 2012. 388 с.
8. Зимин И.В. Подготовка медицинских кадров в России (XIX – начало XX вв.). СПб.: Издательство СПбГМУ, 2004. 367 с. EDN: [QLFOJT](#).
9. Черваков В.Ф. История судебной медицины и судебно-медицинской экспертизы: лекция для студентов 5-го курса. 1-й Моск. ордена Ленина мед. ин-т им. И. М. Сеченова, каф. судебной медицины. М., 1956. 22 с.
10. Шуенинов С.П. Об утомлении мышц при тетаническом сокращении. Экспериментальное исследование. Кандидатская диссертация. Из Физиологической лаборатории Санкт-Петербургского университета. 1888. 23 с. – идентифицировать не удалось.
11. Шуенинов С.П. К вопросу о строении и образовании хилезных кист в кишечнике человека: Патологоанатомические исследования. Диссертация на степень доктора медицины С.П. Шуенинова. Из Пражского немецкого патологоанатомического института проф. Chiari. Санкт-Петербург: т-во “Печатня С.П. Яковлева”. 57 с. – год? идентифицировать не удалось.
12. Смылова А.М. К вопросу о распознавании смерти от замерзания: микроскопические изменения в легких при действии низкой температуры: дис. ... д-ра медицины. Из Лаборатории судебной медицины СПб женского медицинского института. Санкт-Петербург: печ. Графического института Э.П. Лушкевица, 1909. 77 с.
13. Солунскова М.М. К вопросу об отличии прижизненных повреждений от посмертных: изменения в лимфатических железах при травматических повреждениях: дис. ... д-ра медицины. Лаборатории судебной медицины проф. Н.П. Ивановского. Санкт-Петербург: тип. Я. Трей, 1908. 36 с.
14. Bashford A. Purity and Pollution: Gender, Embodiment and Victorian Medicine. London: Palgrave Macmillan, 1998. XVII, 188 p. <https://doi.org/10.1057/9780230501249>.

REFERENCES

1. DenBeste, M. Gender and Russian Health Care, 1880–1905: Professionalism and Practice. *Russian and Soviet Health Care from an International Perspective*. Ed. by S. Grant. Palgrave Macmillan, Cham, 2017. P. 165–190. https://doi.org/10.1007/978-3-319-44171-9_8.
2. Nazarov, V.Yu. Sudebnyye mediki-zhenshchiny dorevolutsionnogo Sankt-Peterburga [Female Forensic Medical Experts in Pre-Revolutionary St. Petersburg]. *Medical Expertise and Law*. 2011. No. 6. P. 50–52. (In Russian). EDN: [OKIFTX](#).
3. Nazarov, V.Yu. Anna Mikhailovna Smyslova – the First Russian Female Forensic Medical Expert. *Forensic Medical Expertise*. 2011. Vol. 54. No. 5. P. 58–60. (In Russian). EDN: [PHOLLB](#).
4. Biograficheskiy slovar professorov 1-go Leningradskogo, byvshego Zhenskogo, meditsinskogo instituta im. akad. I. P. Pavlova za 50 let, 1897–1947 [Biographical Dictionary of Professors of the 1st Leningrad, Former Women's, Medical Institute named after Academician I. P. Pavlov over 50 Years, 1897–1947]. Ed. by Yu.Yu. Dzhanlidze, S.Ya. Freydlina. Leningrad: Medgiz, Leningrad branch, 1947. 155 p. (In Russian).
5. 50 let Pervogo Leningradskogo meditsinskogo instituta im. akad. I.P. Pavlova [50th Anniversary of the First Leningrad Medical Institute named after Academician I. P. Pavlov]. Ed. by N.I. Ozeretskogo. Leningrad: Medgiz, 1947. 186 p. (In Russian).
6. Babakhanyan, R.V., Krut, M.I. Kafedra sudebnoy meditsiny i pravovedeniya SPbGMU im. akad. I.P. Pavlova [Department of Forensic Medicine and Law, St. Petersburg State Medical University named after Academician I.P. Pavlov]. *Sudebnaya meditsina Sankt-Peterburga: Istoriya i organizatsiya* [Forensic Medicine of St. Petersburg: History and Organization]. Saint Petersburg, 1999. P. 51–58. (In Russian).

7. Zimin, I.V. Zhuravlev, AA. SPbGMU imeni akademika I.P. Pavlova: etapy bolshogo puti. Vozniknoveniye zhenskogo meditsinskogo obrazovaniya v Rossii i sozdaniye Zhenskogo meditsinskogo instituta (XVIII – nachalo XX vv.) [Pavlov Saint Petersburg State Medical University: Milestones of a Long Journey. The Emergence of Women's Medical Education in Russia and the Establishment of the Women's Medical Institute (18th – early 20th centuries)]. Saint Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State Medical University, 2012. 388 p. (In Russian).
8. Zimin, I.V. Podgotovka meditsinskikh kadrov v Rossii (XIX – nachalo XX vv.). [Training of medical personnel in Russia (19th – early 20th centuries)]. Saint Petersburg: Publishing House of Pavlov St. Petersburg Medical University, 2004. 367 p. (In Russian). EDN: [QLFOJT](#).
9. Chervakov, V.F. Istoriya sudebnoy meditsiny i sudebno-meditsinskoy ekspertizy [History of Forensic Medicine and Forensic Examination]: lektsiya dlya studentov 5-go kursa [Lecture for 5th-Year Students]. Moscow: I.M. Sechenov First Moscow Medical Institute, 1956. 22 p. (In Russian).
10. Shuyeninov, S.P. Ob utomlenii myshts pri tetanicheskom sokrashchenii. Eksperimentalnoye issledovaniye [On Muscle Fatigue During Tetanic Contraction. An Experimental Study]. Candidate's dissertation. Saint Petersburg: Saint Petersburg University, 1888. 23 p. (In Russian).
11. Shuyeninov, S.P. K voprosu o stroyenii i obrazovanii khileznykh kist v kishechnike cheloveka: Patologoanatomicheskiye issledovaniya: Dissertatsiya na stepen doktora meditsiny [On the Structure and Formation of Chylous Cysts in the Human Intestine: Pathological Studies. Dissertation for the Degree of Doctor of Medicine]. From the German Pathological Institute in Prague, Prof. Chiari. Saint Petersburg: Printing House of S. P. Yakovlev, n.d. 57 p. (In Russian).
12. Smyslova, A.M. K voprosu o raspoznavanii smerti ot zamerzaniya: mikroskopicheskiye izmeneniya v legkikh pri deystvii nizkoy temperatury [On the Issue of Recognizing Death from Freezing: Microscopic Changes in the Lungs when Exposed to Low Temperatures]. Diss. ... Doctor of Medicine. Saint Petersburg: Graphic Institute Press of E. P. Lushkevich, 1909. 77 p. (In Russian).
13. Solunskova, M.M. K voprosu ob otlichii prizhiznennykh povrezhdeniy ot posmertnykh: izmeneniya v limfaticeskikh zhelezakh pri travmaticheskikh povrezhdeniyakh [On the Issue of Distinguishing Intravital from Postmortem Injuries: Changes in the Lymph Nodes in Traumatic Injuries]: Diss. ... Doctor of Medicine. Saint Petersburg: Ya. Trey Printing House, 1908. 36 p. (In Russian).
14. Bashford, A. Purity and Pollution: Gender, Embodiment and Victorian Medicine. London: Palgrave Macmillan, 1998. XVII, 188 p. <https://doi.org/10.1057/9780230501249>.

Сведения об авторах / Information about authors

Корнева Валерия Андреевна – аспирант Института Истории, Санкт-Петербургский государственный университет; Заведующая Музеем, ПСПбГМУ им. ак. И.П. Павлова.

E-mail: museum_pspbgnu@mail.ru

ORCID: 0009-0001-5005-3966

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Korneva Valeriia A. – Graduate Student, Institute of History, Saint Petersburg University; Head of the Museum, Pavlov First Saint Petersburg Medical University.

E-mail: museum_pspbgnu@mail.ru

ORCID: 0009-0001-5005-3966

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 01.02.2026.

Одобрена после рецензирования 04.03.2026.

Принята 09.03.2026.

Received 01.02.2026.

Approved after reviewing 04.03.2026.

Accepted 09.03.2026.